

Глава 7

Время было рассчитано верно.

Цзи Линьси поднялся с ложа и негромко произнес, обращаясь к напарнику:

— Сейчас я выйду и прикажу оцепить двор. Найди удобный момент и исчезай.

— Понимаю, — отозвался «призрак». Пронзительный женский визг сменился спокойным мужским голосом.

Цзи Линьси небрежно встряхнул широкими рукавами, намеренно растрепал волосы, чтобы вид был более изнуренным, а затем, зачерпнув немного крови с одежды Чангуя, мазнул по лицу и груди. Перехватив поудобнее персиковый меч, он вышел наружу.

Снаружи молодой господин Ван уже лишился чувств от потери крови. Госпожа Ван, рыдая, прижимала сына к себе и не переставала осыпать мужа упреками за то, что тот обошелся с ним слишком жестоко. Господин Ван ответил ледяным тоном:

— Эта беда случилась по его собственной вине! Теперь под ударом вся семья, и если ради нашего спасения пришлось взять немного его крови, значит, так тому и быть. Мы не лишили его жизни! Женская глупость не знает границ... Живо, пошлите за лекарем!

Госпожа Ван, опомнившись, тут же отправила людей за врачом.

Заметив вышедшего Цзи Линьси, хозяин дома поспешил ему навстречу с крайней предупредительностью:

— Как всё прошло, Чу-даочжан?

Линьси принял вид человека, находящегося на грани полного истощения.

— Мне удалось временно подавить ярость этого духа. Сейчас я восстановлю защитный массив и буду поддерживать его еще несколько дней. Только тогда я смогу окончательно её уничтожить.

Он сделал паузу, обводя присутствующих строгим взглядом.

— На это время двор должен быть полностью запечатан. Ни единая душа не смеет сюда входить.

Теперь господин Ван внимал каждому его слову с суеверным почтением и немедленно отдал приказ оцепить двор. Бессознательного Ван Хэ перенесли в другие покои. На месте остались лишь даос Цин Вэн и его незадачливые ученики.

Управляющий, низко кланяясь, спросил:

— Господин... как поступить с этими людьми?

В глазах господина Вана промелькнула тень беспощадной злобы.

— Бросьте этих шарлатанов в темницу!

Если бы не эти обманщики, он бы не нанес оскорбление даосу Чу и не растратил бы столько серебра, а его сыну не пришлось бы проливать столько крови.

Услышав приговор, Цин Вэн и его ученики заголосили, моля о пощаде, но их грубо поволокли прочь.

— Чу-даочжан, благодарю вас, что не помянули старых обид и пришли на помощь моей семье, — на лицо господина Вана вернулась заискивающая улыбка. — Моя признательность не знает границ. Уже поздно, я велел подготовить для вас комнату. Отдыхайте, и если вам что-то понадобится — любая еда, всё, что пожелаете, — мой дом исполнит это беспрекословно.

По распоряжению хозяина Цзи Линьси принял ванну и переоделся в чистую одежду, хотя лицо его по-прежнему скрывала маскировка.

Его провели в изысканный флигель. Стоило толкнуть дверь, как в лицо дохнуло жаром от разожженной жаровни. Комнату наполнял уютный теплый воздух.

Устроившись под мягким шелковым одеялом, Цзи Линьси с наслаждением потянулся. Насладившись всеми благами богатой жизни, он невольно вспомнил того прекрасного юношу, встреченного днем. При одной мысли о нем во рту становилось сухо от вожделения.

«Ну как может человек быть столь божественно красив?»

Он перевернулся на другой бок.

«Как может человек быть настолько красив?»

Снова поворот.

«Разве может кто-то быть столь прекрасен?»

Он долго ворочался, охваченный пылким нетерпением, пока, наконец, в этом возбуждении его глаза медленно не закрылись.

Как говорится: что днем в мыслях, то ночью в грезах.

В эту снежную ночь Цзи Линьси посетил удивительный сон. Ему виделось, будто он — новоиспеченный чжуанюань. В сиянии дворцовых залов Император объявил о своем желании отдать ему в жены свою драгоценную дочь.

В брачную ночь, склонившись над ложем, он кончиком скипетра юй-жуи осторожно приподнял красный покров с лица невесты. И стоило ткани соскользнуть, как его взору открылись губы, алые, словно лепестки весеннего персика, и глаза, подобные прозрачному стеклу. Веки были стыдливо опущены — это лицо в точности повторяло черты того прекрасного господина, что встретился ему днем.

Прекрасный юноша в образе невесты, смущенный и трепетный, потянул его за ослабленный пояс и едва слышно прошептал:

— Супруг Си.

Цзи Линьси более не мог сдерживаться. Оборотившись ярим зверем, он увлек свою прекрасную «невесту» на ложе, чувствуя, что в следующее мгновение сможет достичь вершины блаженства и вознестись к небожителям.

На рукав опустилась крохотная мошка, и Чу Юй, не меняясь в лице, легким движением стряхнул её. Снег во дворе еще не сошел, и он заворуженно созерцал этот пейзаж.

Вскоре его подчиненный по имени Юньшэн привел пожилую чету. Старик и старуха рухнули на колени. Обливаясь слезами, они принялись рассказывать о постигшем их горе, моля Чу Юя о справедливости.

— Тот молодой господин из семьи Ван, Ван Хэ, похитил нашу дочь прямо на улице! Поглумившись над ней, он выбросил её тело у ворот. Мы с мужем три дня и три ночи прождали там, а получили лишь труп нашей девочки!

— Бедное моё дитя... Ей ведь только семнадцать исполнилось! Совсем недавно она говорила, что у неё появился возлюбленный, хотела замуж пойти, стать невестой... Мы не успели проводить её к свадебному паланкину, как этот Ван Хэ сгубил её!

— Мы с её отцом пошли в уездный ямэнь, прося рассудить по правде. Но стоило там услышать имя Ванов, как нас тут же выгнали! Никто не захотел вступить за нас, ведь у этой семьи есть опора в столице в лице большого чиновника! Мы пошли в префектуру, но там, едва узнав, что мы жалуемся на семью Ван, велели возвращаться к уездному судье. Сказали, раз случилось в Юнчэне, префектура такими мелочами не занимается. А уездный судья и слушать нас не желает! Нам больше не к кому идти!

Янь Хуай, стоявший поодаль, при этих словах заметно помрачнел.

— Неужели и префект Цзинчжоу трепещет перед Ванами? Творить подобное — значит уподобиться зверям.

— Принц... господин, — он почтительно поклонился Чу Юю. — Я сейчас же отправлюсь в дом Ванов, схвачу всю их семью и заставлю ответить за смерть девушки.

Чу Юй поднял руку:

— Погоди.

Раздался мелодичный перезвон нефритовых подвесок — статная фигура поднялась с кресла.

— Чэнь Дэшунь, кто служит опорой семье Ван в столице?

Евнух Чэнь на мгновение задумался и с некоторой нерешительностью ответил:

— Должно быть, это господин канцлер, Ван Ян.

— Если память Нам не изменяет... канцлер — уроженец Юнчэна.

— Канцлер... — негромко повторил Чу Юй.

Услышав это, старики окончательно пали духом. Даже будучи простыми людьми, они понимали, какая высокая это должность. Теперь стало ясно, почему судья и префект не желали браться за это дело.

Канцлер Ван Ян...

Янь Хуай заметно изменился в лице. Разве это не человек Его Высочества...

Пока он размышлял, Чу Юй уже подошел к старикам. Бережно подняв их с колен, он произнес:

— Спустя три дня я дам ответ вам и вашей дочери.

— В Нашей династии Лун не будет места тем, кто, пользуясь властью, безнаказанно притесняет народ.

Распорядившись выдать им серебро и велев Юньшэну проводить стариков, Чу Юй коротко рассмеялся:

— Завтра вы сопроводите Нас в уездный ямэнь. Мы желаем лично убедиться, насколько безгранично это беззаконие, раз они посмели бросать тела прямо на улице. Похоже, они возомнили законы Нашей династии Лун ничем.

Заметив холодный блеск в глазах принца, евнух Чэнь осторожно подал голос:

— Эти старики и впрямь заслуживают сострадания. Ваше Высочество уже выдали им пособие, которого хватит на жизнь. Но канцлер — человек, стоящий на стороне Вашего Высочества. Если из-за какой-то простолюдинки возникнет разлад...

Чу Юй медленно опустил веки и посмотрел на него.

— Чэнь-гунгун.

— Я — наследный принц.

После этих слов евнух Чэнь понял, что продолжать нельзя, и лишь горестно поник.

Если Его Высочество действительно решит добиваться справедливости, как потом оправдываться перед Императрицей? Сейчас шестой принц, сын драгоценной наложницы Ань, наиболее любим Императором и жадно смотрит на место наследника. Если канцлер из-за этого дела отвернется от Его Высочества и перейдет к шестому принцу, во всем обвинят именно его, Чэня.

И всё из-за Юньшэна. Его Высочество велел ему лишь осмотреться в городе, а тот притащил этих стариков. Его Высочество впервые покинул дворец, он юн и полон желания искоренить несправедливость мира. А этот Юньшэн — глупец, выбрал дело, которое напрямую связано с канцлером.

Чу Юй поправил широкие рукава своего одеяния:

— Завтра передайте второму молодому господину Шэню, чтобы он оставался на постоялом дворе и поправлял здоровье. Если он пожелает осмотреть город, пусть его сопровождает Юньшэн и дворцовая стража. У Нас появились дела, поэтому в ближайшие два-три дня Мы не

СМОЖЕМ ЕГО НАВЕСТИТЬ.

<http://bllate.org/book/15344/1372717>